

УДК 069.569

ИЗДЕЛИЯ КОЛЫВАНСКОЙ ШЛИФОВАЛЬНОЙ ФАБРИКИ В МИНЕРАЛОГИЧЕСКОМ МУЗЕЕ им. А.Е.ФЕРСМАНА РАН

М.Б.Чистякова, Н.Р.Буданова

Минералогический музей им. А.Е.Ферсмана РАН. Москва, mineral@fmm.ru

Краткая история открытия декоративных камней на Алтае и появления там камнерезного дела. Описание изделий Колыванской гранильной фабрики в коллекции Музея.
В статье 10 цветных фото, в списке литературы 9 названий.

История камнерезного искусства России своеобразна. Возникнув на тысячелетия позже европейского и восточного, оно в короткий срок, начиная с XVII – XVIII вв., достигло поразительных вершин. Такое позднее развитие связано с затянувшимся становлением России как единого государства и, соответственно, с поздно появившимся интересом к богатствам недр и их обработке.

При всей любви к роскоши, московские государи долгое время вынуждены были довольствоваться привозными заморскими драгоценными камнями, которые покупали у восточных купцов, идущих по Великому Шелковому пути далеко к югу от границ России того времени. Соответственно и обработка драгоценных камней отсутствовала. Она сводилась лишь к закрепке ярких самоцветов в государственных и церковных одеждах и утвари.

Следует, однако, сделать оговорку — мягкий камень на Руси обрабатывался еще с до-монгольских времен и до объединения разрозненных княжеств в единое государство. Это был плотный мягкий белый известняк — распространенный строительный материал. Из него возводили дворцы, монастыри, храмы, оборонительные стены и башни. И использовался он не только как строительный материал. Резьба по нему широко применялась для украшения зданий. Замечательные памятники архитектуры многих древних (XII – XIII вв.) городов России до сих пор изумляют каменным кружевным узором, иной раз почти сплошь покрывающим стены строений (Владимир, Ярославль, Ростов Великий, Сузdal...).

Постепенно белокаменное строительство сменяется кирпичным, но еще долго известняк был единственным природным материалом, служившим для декорирования зданий. Резные колонки, наличники, кокошники, мифические существа, растительный орнамент и прочие замысловатые детали

традиционно исполнялись из этого податливого резцу нарядного камня. Однако с течением времени это искусство стало сходить на нет и к моменту появления в России камнерезной промышленности было забыто.

Интерес к своим узорчатым каменьям и к их обработке явственно начал проявляться в России с середины XVII в., в царствование первого государя из рода Романовых — Михаила (1613 – 1642). Приглашенные для этой цели зарубежные специалисты даже пытались искать драгоценные камни в окрестностях Москвы и Твери (Валишевский, 1911).

Поиски в центральной части России не увенчались успехом, но интерес к земным богатствам страны не угас. В 1668 г. (Мартынова, 1973) появляются достоверные сведения о находках в Уральских горах (близ Мурзинского острога) горного хрусталя, голубых топазов, аметистов, красных турмалинов, бериллов. Но это были пока что лишь единичные знаки. Регулярного промысла еще не было. А о наличии в России декоративных камней и вовсе еще не знали.

Реформы Петра I, коренным образом изменившие жизнь России, заставили обратить серьезное внимание и на освоение земных богатств страны. Для армии, флота нужны были металлы. Для строительства городов, и особенно новой столицы на топких берегах Невы, требовалось огромное количество строительного камня. Острая нехватка его при возведении Петербурга привела даже к тому, что в 1714 г. появился запрет на каменное строительство в России, а всякий приезжавший на место будущей столицы должен был привозить с собой камни. Интерьеры первых дворцов наполнялись зарубежным мрамором и европейскими изделиями.

Долго так продолжаться не могло. И в 1717 г. Петр I учреждает Берг-коллегию, призванную организовать поиск и добывчу отечественных руд и «каменьев». Постепенно начинают осваиваться собственные месторождения различных металлов, прочного

строительного материала, а затем и декоративного камня.

Не менее сложным было дело и с камнеобработкой. Поначалу свои мастера лишь обтесывали камень, а для более тонкой работы приходилось звать иноземцев. Масштабы работ были очень невелики. Это никак не вязалось с грандиозными проектами. Не только камни, стекло обрабатывать было негде.

В самом конце своего царствования, в 1722 г. Петр издает указ о создании в Петергофе первой в России казенной шлифовальной мельницы, предназначенный для «пиления и полирования мраморного и другого камня» (Буданов, 1980) и полировки стекла. Она сгорела в 1731 г., а в 1735 г. по указу императрицы Анны Иоанновны была восстановлена уже для шлифования и полирования «...всяких найденных в здешнем государстве ясписовых и прочих камней...».

Но Петергоф, хоть и рядом со столицей, очень удален от тех мест, где в XVIII в. открываются многочисленные залежи мрамора и цветных камней. А происходит это на «Камне», как тогда называли Урал. Там, в окрестностях уже действующих железо- и медеделательных заводов, находят все новые и новые «каменя». И почти одновременно с работами на Петергофской фабрике, в 1726 г., на Исетском казенном заводе тоже начинается обработка камня. Здесь в промышленных масштабах сначала используется лишь мягкий материал, хотя к этому времени найдены и некоторые твердые камни — халцедон, кварц. Дальнейшее бурное развитие горного дела на Урале, выявление месторождений разнообразных цветных камней — драгоценных, поделочных, строительных — привело к открытию в 1751 г. на Урале самостоятельного камнеобрабатывающего предприятия — Екатеринбургской казенной гранильной фабрики.

А тем временем освоение земных богатств Россией происходило и гораздо восточнее Урала. В конце века начинается планомерное изучение Алтая. Найдены медные и серебряные руды, построен (1782—1784) Локтевский (Локоть — крутой изгиб реки) меде- и сереброплавильный завод на р. Алее. Интерес к району растет, и, по указу Екатерины II, в окрестностях завода начинаются усиленные поиски «не только руд, но всяко-го рода камней и минералов полезных».

В 1786 г. в соответствии с царским повелением на поиск отправилось девять отрядов. Одним из них руководил лекарь Локтевского завода Петр Иванович Шангин. Удивительный человек, изучивший, помимо

медицины, ботанику, картографию, этнографию и многое другое, он увлекся камнями и, будто в награду, именно ему «посудило щастие» обследовать верховья р. Чарыша и выйти к ручью Коргону. Были встречены халцедоны и топазы, но главное — нашли яшмы и разноцветные порфиры, брекчии, мраморы (Родионов, 1988, 2002). Отрядом П.ИШангина были открыты почти все знаменитые породы Алтая. Позже были обнаружены только ревневская яшма (1789) и белорецкий кварцит (1806).

Посланные в Петербург образцы понравились. Началась ломка порфира вблизи Локтя, и решено было тут же строить шлифовальную мельницу «...для обработывания колонн, вазов, столов, каминов и других сим подобных приборов». Уже в 1787 г. на ней были сделаны первые аршинные (аршин — 71.12 см) вазы из черного локтевского порфира (Родионов, 1988, 2002). Но возможности локтевского производства были ограничены. Делали там, главным образом, мелкие вещи, а если были и крупные, то вытачивались они «на круглом ходу», т.е. на токарном станке. Они были монолитными, гладкими, без резных орнаментов. И расположенный Локоть был далеко от большинства найденных месторождений поделочных камней Алтая. В 1800 г. из Петербурга пришло распоряжение Кабинета Его Императорского Величества — «Закрыть Колыванский серебро- и медеплавильный завод и устроить вместо него шлифовальную фабрику». Ее открыли в 1802 г. На новой фабрике уже в первой половине XIX столетия выпускали крупные, даже гигантские изделия. По сложности, мастерству, художественной ценности они очень отличаются от локтевских (Буданов, 1980).

История Колыванской фабрики трагична. Пережив в течение XIX в. бурное развитие, изготовив огромное количество непревзойденных (в мировом масштабе) шедевров, она к концу столетия оказалась почти забыта, а ее удивительные искуснейшие мастера — невостребованными. Уникальное предприятие, аналогов которому не было и нет ни в России, ни в мире, вдруг оказалось вне сферы интересов своих заказчиков и владельцев. В замечательных книгах геолога-писателя А.Родионова «На крыльях ремесла» (1988) и «Колывань камнерезная» (2002) увлекательно описаны радостные и горестные события ее истории, освещены судьбы многих необыкновенных людей, открывавших залежи алтайских сокровищ, невероятным трудом добывавших и обрабатывающих их.

Мы коснемся лишь нескольких моментов из прошлого фабрики, интересных, как нам кажется, при рассмотрении ее изделий, хранящихся в Минералогическом музее им. А.Е.Ферсмана РАН.

Одной из отличительных черт Колывани было то, что камнерезное искусство возникло здесь буквально на пустом месте. Если на Урале еще до открытия казенной мастерской были коренные камнерезы-умельцы и интерес к цветному камню и его кустарной обработке был обычным, то на Алтае камень никогда не связывался в умах людей с предметами искусства. Поэтому, казалось бы строителями ее, и тем более мастерами-камнерезами, должны были бы быть (во всяком случае могли быть) иностранцы, как и во времена Петра I, которые учили своему ремеслу мастеров Петергофа, а затем сыграли некоторую роль в развитии камнерезного дела в Екатеринбурге. Колывань же строится исключительно русскими мастерами, и камнерезы здесь к тому же, практически, только местные. Лишь в самом начале организации камнерезного дела на Алтае — еще в 1786 г. — на Локтевский завод прислали из Петербурга несколько петергофских мастеров. И это при том, что никаких традиций по добыче и художественной обработке декоративного камня на Алтае не было.

И еще одно обстоятельство характерно для Колыванской фабрики. Она с самого начала своего существования была предприятием художественной промышленности. Здесь не шлифовались и не обрабатывались строительные камни. И, в отличие от Петергофа и Екатеринбурга, Колывань с первых шагов стала обрабатывать твердый камень, причем наиболее рациональным способом.

Разнообразие алтайских поделочных камней невелико. Это лишь порфиры, яшмы и сливной кварц (кварцит). Однако каждая из этих пород разнообразна по цвету. Среди порфиров есть темно-красный, серо-фиолетовый, зеленый, черный. Некоторые из них (красный, зеленый) очень похожи на породы, добывавшиеся еще в античные времена в Египте (красный) и на Пелопоннесе (зеленый) и украшавшие дворцы и храмы древних египтян, а затем римлян. Из-за этого сходства алтайские породы также получили название «античных» (Ферсман, 1959). В XVIII в. порфиры и яшмы Алтая не различали. Все считалось яшмой, хотя даже внешне эти породы легко узнаваемы. В XIX в. в описях изделий Колывани породы четко и правильно обозначены.

Яшма, твердая горная порода, в течение всей истории человечества использовалась для мелких поделок (талисманов, украшений, печаток). И только в XVIII в. после открытия крупных месторождений ее на Урале и на Алтае она стала применяться в крупных декоративных изделиях.

Яшмы Алтая также достаточно разнообразны. Самая знаменитая среди них — ревневская (с горы Ревневой). И чаще всего при упоминании алтайской яшмы имеется в виду именно эта — серо-зеленая с пятнами и полосами зеленовато-серого и темно-зеленого цвета, прозванная с самого начала зелено-волнистой. В зависимости от рисунка различают волнистую, полосчатую и парчовую. Минеральный состав их сходен, а интенсивность окраски и рисунок связаны лишь с преобладанием темных (эпидот, актинолит, магнетит) или светлоокрашенных (кварц, полевые шпаты и др.) минералов и их взаимного расположения (Барсанов, Яковлева, 1978).

Помимо ревневской, достаточно широко известны яшмы гольцовская (зеленовато- и голубовато-серая) и риддерская (брекчевидной текстуры с серыми и розовыми неправильной формы обломками, заключенными в светло-зеленый цемент). Очень необычна коргонская «копейчатая» яшма. По сути, это темно-серый кварцевый порфир с включением сферолитов альбита (Барсанов, Яковлева, 1978), похожих на копейки. Название это придумал открывший ее на Малом Коргоне П.И.Шантин. Изделий из этой породы гораздо меньше, чем из упомянутых ранее. И еще одна разновидность яшм есть на Алтае — «дендритовая». Она почти нацело состоит из мельчайших зерен кварца, лишь изредка встречаются зерна топаза и магнетита. В соответствии с таким составом она окрашена в не свойственный яшмам белый или слегка желтоватый цвет. На светлом фоне хорошо видны дендриты черного (предположительно, органика) и бурого (по-видимому, оксид железа) цвета (Барсанов, Яковлева, 1978). Залежи ее расположены по ручью Хаир-Кумир (приток Чарыша). Изделий из нее известно немного. Есть на Алтае и сургучная яшма, но она не получила большой известности.

Следует заметить, что с петрографических позиций то, что принято считать яшмами Алтая, представляет собой группу очень разных по составу и по генезису пород. Общим для них является лишь тонкозернистость и хорошая полируемость (Барсанов, Яковлева, 1978).

Широко известен еще один замечательный алтайский декоративный камень – белорецкий кварцит (белоречит). Чисто белый, розовый, желтый разнозернистый, местами полупрозрачный камень хорош и для достаточно крупных изделий и для мелкой пластики. В отличие от порфиров и яшм, изделия из которых, за малым исключением, изготавливались только на Колывани, белорецкий кварцит использовался и другими камнерезными мастерскими, казенными и частными.

Интересно, что внимание к Алтаю среди столичных заказчиков проявлялось не только в связи с изделиями из новых пород. Из-за начавшейся еще в середине XVIII в. «... всеобщей минералогической болезни» (по выражению президента Берг-коллегии П.А.Соймонова) в столице интересуются и самими породами Алтая, разновидностей которых насчитывают более полутора сотен. Из Петербурга пишут: «Ее императорскому Величеству благоугодно иметь от всех находящихся порфиров, яшм и других каменьев пробочки от каждого раза по две коллекции». Образцы нужны и для учебных заведений Петербурга. Кабинет заказывает сразу 10 коллекций по 130 «пробочек». И еще пишет на Алтай из Петербурга П.А.Соймонов: «Здесь наши порфиры всем головы вскружили. А потому дня нет, чтобы чужестранные для доставки к своим дворам обращников не просили...». Он же просит прислать материал для президента Академии наук Е.Р.Дашковой: «...княгиня замучила меня требованием штуфов...» (Родионов, 1988, 2002).

И в следующем XIX в. коллекции алтайских цветных камней популярны и высоко ценятся. Их использовали даже в качестве дипломатических подарков (Родионов, 1988, 2002). Из воспоминаний главного мастера фирмы Фаберже Ф.П.Бирбаума известно, что и эта столь прославленная фирма заказывала на Колывани коллекцию алтайских пород (Фаберже, Горыня и др., 1997).

Но прославилась фабрика, конечно, не «пробочками» и штуфами, а своими великолепными изделиями.

Одна из замечательных особенностей алтайских месторождений состоит в том, что почти все найденные там породы можно было выламывать огромными блоками, из которых затем вырезали грандиозные по размерам цельные изделия. Разнообразные цветные камни Урала не давали крупных монолитных скоплений, часто были трещиноваты. Исключением является лишь зеле-

новато-серая однотонная и плотная яшма с оз. Калкан, из которой были изготовлены очень крупные вазы сказочной красоты.

Колыванская фабрика стала бурно развиваться сразу после открытия. Предпосылки для этого были весьма основательные. Камнерезы пришли сюда из мастерской Локтевского завода. Они владели чутьем и навыками художественной обработки камня вполне профессионально. И во главе фабрики стоял ее практический основатель – бывший управляющий локтевской мастерской, талантливый художник и техник, потомственный камнерез Филипп Васильевич Стрижков.

Заказы поступали из Кабинета в огромных количествах, причем за небольшим исключением, нужны были очень крупные изделия, способные украсить огромные залы новых царских дворцов. Материал для работы добывался рядом. Ломать его в условиях горной местности было трудно и опасно, но зато фабрика не зависела от поставок камня из других районов страны. Работа шла бесперебойно днем и ночью. Из-за огромных размеров добываемых блоков и величины заказываемых вещей, а также труднопреодолимых путей доставки, обтеска материала производилась на месте ломки, и только потом он доставлялся на фабрику. Обычно это возможно было лишь зимой.

Победа над Наполеоном вызвала мощный подъем духовных сил в России. Патриотические настроения находят выражение в торжественном, героическом облике художественных произведений того времени. Особенно ярко это проявилось в архитектуре. Возводятся новые величественные дворцы и храмы. А это, в свою очередь, влечет за собой всплеск интереса к крупным формам камнерезного искусства. Колывань именно такими работами и славится. Она безостановочно поставляет в Петербург вазы, чаши, столы, колонны, постаменты и пр. Огромные изделия с великими предосторожностями везут и сушкою и водою. Именно в это время (1820–1843) создается из ревневской яшмы колоссальная (большой диаметр 5 м, высота 2,6 м, вес, примерно, 10 тонн) «царица ваза» – чудо камнерезного дела и по размерам и по качеству обработки. С величайшими предосторожностями преодолеваются тысячи километров трудного пути, и ваза невредимо доставляется в Петербург.

В середине XIX в. (1840–1850-е гг.) строится Новый Эрмитаж. И опять Колывань загружена царскими заказами, и безостановочно вертятся валы машин и склоняются к из-

делиям мастера – с рисунками, измерительными приспособлениями; колдуют, полируют, залечивают природные дефекты камня и без конца выверяют точность форм и качество отделки.

В 1851 г. изделия колыванцев демонстрируются на Всемирной выставке в Лондоне. Величина и красота их поражают публику, ничего до того не знавшую о камнерезах Сибири. Комиссар-оценщик писал: «...размеры и вес этих масс таковы, что я должен сознаться – не знаю других подобных изделий. Я не думаю даже, чтобы столь трудные и так хорошо отделанные произведения были когда-либо исполнены со времен Греков и Римлян» (Буданов, 1980). Участие в Лондонской выставке принесло Колывани патент выставки и медаль второй степени. Это означало всемирное признание. Затем было успешное участие в других международных и российских выставках с получением наград.

Во второй половине XIX в. интерес к крупным изделиям камнерезов со стороны Кабинета Его Императорского Величества угасает. Ими уже заполнены залы дворцов. Кроме того, отмена крепостного права в 1861 г. повлекла за собой значительное удешевление труда. Штат фабрики сокращается. Заказов становится все меньше, да и не все заказанные вещи попадают в переполненные залы. Многие из них хранятся на складах Кабинета. К концу века на устроенную американцами Всемирную выставку в Чикаго (1893) колыванцы ничего нового не представили. Туда отправили старые вещи со складов Кабинета.

XIX век оказался для Колывани неудачным. Мировые войны и революционная ломка сделали свое дело. Фабрика, принесшая всемирную славу русскому сибирскому камнерезному искусству, была заброшена и почти не использовалась государством по назначению. Колывань неоднократно переходила из одного ведомства в другое. На ней делались вальцы, абразивные бруски, облицовочные плитки, временами мелкие изделия для повседневного обихода, сувениры.

Уже в послевоенное время было сделано несколько крупных ваз. Но они оказались очень дороги. Производство их прекратилось. Сейчас появилась надежда на возобновление уникального производства. Но когда она сбудется – неизвестно.

Прочность алтайских камней и монументальность изделий Колыванской фабрики защитила многие из них от порчи и гибели. Значительное количество прекрасных ваз, канделябров, каминов и других из-

делий до сих пор украшает залы музеев и интерьеры учреждений.

После Октябрьской революции часть изделий из запасников царских дворцов и апартаментов высшей аристократии была передана в музеи и другие публичные организации. В их числе был и Минералогический музей, где эти вещи привлекают внимание красотой камня и качеством обработки.

Надо сказать, что атрибуция каменных изделий даже знаменитых фабрик часто весьма сложна, так как на них нередко отсутствуют какие-либо знаки типа клейм или проб, почти всегда имеющиеся на металлических вещах. Это касается и колыванских изделий. На фабрике в разные годы были разные правила оформления вещей. В первую половину XIX века изделия не подписывались, и если они не были занесены в книгу изготовленных вещей с подробным описанием и указанием размеров, то впоследствии установить идентичность изделия, имеющегося в перечне, с рассматриваемым практически невозможно. Лишь в 1853 г. циркуляром от 8 декабря Кабинет предписал, чтобы «...на плинтусах ваз, чаши, канделябров и пьедесталов обозначаемо было высечною буквами название фабрики, время начатия и окончания изделий обработкою, а также имя мастера, под руководством коего они производились».

С указанными выше трудностями пришлось столкнуться и при выяснении времени изготовления некоторых наших вещей. Так, в Музее экспонируются две гладкие кувшинообразные вазы из ревневской яшмы. Обе состоят из трех смонтированных частей. На плоском круглом профилированном основании располагается слегка сплющенное шарообразное тулово, переходящее в узкое, расширяющееся кверху открытое горло. Граница горла с туловом подчеркнута тонким вертикальным пояском (фото 6, 8). Вазы совершенно идентичны по размеру и форме и различаются только рисунком яшмы. Одна из них сделана из волнистой, другая – из парчовой яшмы. В отличие от четкого графического рисунка волнистой яшмы, причудливые очертания темных и светлых пятен зеленого тона в парчовой яшме создают впечатление фантастического динамичного узора.

Попытка опознать наши вазы по описям «Книги обработанных на Колыванской шлифовальной фабрике каменных вещей и отправленных в Санкт-Петербург в Кабинет Его Императорского Величества с 1786 г.» (Родионов, 2002) успеха не имели.

Надо сказать, что кувшинообразная форма этих ваз совсем не соответствует стилю изделий, выпускавшихся фабрикой. В подавляющем большинстве это были вазы классических (или близких к ним) форм, эскизы которых, разработанные выдающимися архитекторами того времени (К.Росси, Д.Кваренги, И.И.Гальбергом, А.Н.Воронихиным и др.), присылали из Петербурга. Поэтому не удалось даже приблизенно сопоставить наши вазы с известными. Описания нескольких кувшинообразных ваз, упоминаемых в «Книге...», не совпадают с нашими.

Поскольку вещи стали подписывать с 1850-х гг., можно предположить, что эти вазы сделаны ранее. Может быть? именно поэтому исследователь камнерезного искусства на Алтае С.М.Буданов полагал, что они сделаны в 1840-х гг. (Буданов 1980). В 2002 г. вышла в свет книга А.Родионова «Колывань камнерезная», среди иллюстраций которой помещен контур вазы из ревневской яшмы в виде кувшина, подаренной Александром III турецкому султану Северет-паше в 1880 г. Он практически совпадает с контуром ваз Музея. Слегка измененные пропорции можно объяснить тем, что во время работы колыванские мастера их подправили, что бывало не раз, так как соотношения отдельных частей в эскизе и в готовой крупной вещи из камня воспринимаются по-разному. Тело подаренной вазы, в отличие от наших, покрыто спиралевидными желобками, что вместе с формой еще более соответствует «восточному» стилю изделия. В частной беседе А.Родионов высказал предположение, что наши вазы — 1870-х годов. Вопрос остался невыясненным.

Вазы демонстрируются в Музее на постаментах из красного коргонского порфира, представляющих собой круглые гладкие колонны с резными ложками в более широкой верхней части, стоящие на основании сложной формы. На одном из постаментов выгравировано «Колыв. Шлиф. Фабрика. 1896 г.».

Если считать 40-е годы XIX в. датой появления кувшиноподобных ваз, то следующими за ними по времени изделиями являются камини из той же ревневской яшмы.

В 1840—1850 годах строился Новый Эрмитаж. Для него граф Л.А.Перовский, бывший в то время главой Кабинета, заказал на Колывани среди прочих вещей шестнадцать каминов из разных пород. По заказу Кабинета от 22 марта 1856 г. за № 2149 их было к 1869 г. изготовлено двенадцать. А установлен только один. Остальные попали на склад

и два из них в 20-е годы XX в. оказались в нашей коллекции (фото 10).

Камины изготовлены из ревневской волнистой яшмы и идентичны по общей композиции, цвету, декору и размеру. Декорировка их предельно проста — низкие плоские профили отдельных частей, рельефные скругленные тяги на передней и боковых стенках, раскреповка углов верхней доски и завершений пиластр по углам. Единственное небольшое резное украшение расположено в центре передней доски. Это растительный мотив в медальоне сложной формы, по сторонам которого на гладкой поверхности выступают яйцевидные элементы. Лаконичная по своим формам композиция каминов оживляется сочетанием прямых и криволинейных деталей декора. А наличие больших полированных гладких плоскостей не нарушает, а подчеркивает красоту камня, что увеличивает художественный эффект изделий.

Камины делались в разное время. Может быть именно этим объясняется некоторое несущественное отличие в их резных украшениях и в степени обработки внутренних частей. На верхних досках каминов выгравированы тексты с указанием места и времени их изготовления. На более раннем — «Колыв. Шлиф. Фабрика. Начать обработкой 8 марта 1861 г. Оконченъ 24 февраля 1863 г. Управляющий Надвор. Совът. Злобинъ» (фото 9). Над вторым работали с 1866 по 1869 г. В упоминавшейся ранее «Книге обработанных... вещей...» есть эти камини, причем стоимость более раннего составила 3486 рублей, а более позднего — 7607 рублей.

Еще две крупные подписанные вещи Колыванской фабрики демонстрируются в Минералогическом музее. Это большое трюмо из серо-фиолетового порфира (фото 5) и ваза из того же материала на серо-зеленом порфировом постаменте. Это тоже царские заказы. Они поступили из Кабинета под № 1769 от 22 июня 1871 г.

Трюмо состоит из четырех взаимосвязанных деталей: основной средней части, являющейся обрамлением большого овального зеркала; закругленного резного завершения наверху; плоской горизонтальной столешницы и резного подстолья с прямоугольным зеркалом (фото 5). Трюмо изготовлено из мелкозернистого однотонного, почти не имеющего рисунка порфира. Изделия из такого материала обычно щедро украшались резьбой. Не является исключением и это трюмо. Его идеально гладкая полированная поверхность контрастирует с рельефной

резьбой, расположенной, в основном, над зеркалом, на ножках подстолья, а также на передней грани столешницы и пиластрах. В наиболее высоком рельефе выполнена рокайльная рамка в середине верхнего полу-кружного завершения. Внутри него ровная поверхность камня осталась нешлифованной (возможно, по замыслу художника, там должна была быть вставная деталь). Высокий рельеф картуша уравновешен объемными завершениями боковых пиластр средней части трюмо и выпуклыми резными деталями над ней. Из плоскостей пиластр также выступают резные цветы и медальоны. По данным «Книги обработанных... вещей...», трюмо обошлось в 40180 рублей.

Слева в нижней части подстолья выгравирована дата изготовления изделия — 1871 — 1874 гг.

Упоминавшаяся выше порфировая ваза на постаменте из того же заказа Кабинета весьма отличается от большинства сохранившихся к нашему времени изделий Колывани (фото 3). Форма ее нетрадиционна и непропорциональна. Тяжелое, расширяющееся книзу, как бы оплавившее, тулово поддерживается невысокой сильно профирированной ножкой с широким основанием. Нижняя, самая тяжелая часть туловы орнаментирована резными вогнутыми ложками. В центральной его части расположены две овальных рамки. Высокое, расширяющееся кверху открытое горло несколько уравновешивает тяжелый низ туловы. Равновесию всей композиции служат и идущие от плеч туловы до верха горла ручки. Они ажурны, сильно изогнуты, украшены объемными резными цветками, которыми соединяются со средней частью горла. Поскольку эта ваза сделана из однотонного материала, она изобилует резными украшениями на всех ее частях — это и растительные мотивы и геометрический орнамент с овалами, жемчужником, ложками и пр. Все эти многочисленные детали перемежаются с достаточно крупными гладкими полированными участками поверхности вазы.

Постамент к вазе из зеленовато-серого довольно светлого порфира имеет форму колонны на широком профицированном основании. Верхнее завершение чуть уже основания. Оно тоже профицировано и украшено вогнутыми ложками. На стволе колонны находятся четыре пиластры с резным растительным и геометрическим мотивами.

Ко времени создания этой вазы высокая классика, модная в первой половине XIX в., стала уступать новым веяниям. Даже в круп-

ных камнерезных изделиях появляются вычурные детали с многочисленными прорезями, с ажурными ручками, заимствованными с пропильных оконных наличников деревянного зодчества того времени. Высочайшее мастерство камнерезов использовалось для создания виртуозно выполненных, но порой неоправданных в художественном отношении изделий (Буданов, 1980). Ваза с постаментом была готова в 1872 г. и стоила 17452 рубля. В декабре этого же года, как свидетельствует «Книга обработанных... каменных вещей...», она была отправлена в Петербург. А там ее постигла та же участь, что и большинство упомянутых ранее каминов. В переполненных царских дворцах места ей не нашлось.

Надо сказать, что Кабинет заказал не одну такую вазу. В 1875 г. по тому же проекту была изготовлена и отправлена в Петербург парная ваза на таком же постаменте. Этому изделию посчастливилось больше. В 1893 г. в честь 400-летия открытия Колумбом Америки среди прочих мероприятий была устроена Всемирная выставка камнерезных изделий в Чикаго. Приглашение на выставку колыванцы получили лишь за три месяца до открытия. Сделать что-либо, соответствующее событию, времени не было. Тогда и вспомнили о хранящихся в запасниках ве-щах. За океан отправили именно эту вазу на пьедестале (Мавродина, 1990), еще одну ча-шу из коргонского порфира и вазу из мрамора. В экспозиции ваза, парная нашей, как это видно на фотографии в Отчете по выставке, занимала центральное место. За эти вещи Колывань получила бронзовую медаль.

Как следует из надписей на наших изделиях и из записей в упомянутой «Книге...», самые крупные вещи — ваза с ажурными ручками, ее пьедестал, трюмо, камин, а, возможно, и вазы-кувшины — изготовлены Колыванской фабрикой в период с 1861 по 1875 гг., когда управляющим там был Иван Александрович Злобин (с 1855 по 1885). По образованию он был архитектор, первоклассный художник. Им было создано много рисунков для различных вещей, в том числе проект вазы «в восточном стиле» на постаменте (Мавродина, 1990), а может быть, и трюмо из серо-фиолетового порфира (Буданов, 1980).

Помимо упомянутых крупных вещей, Музей располагает двумя небольшими вазами из темно-зеленой голыцковской яшмы и тремя — из красного коргонского порфира.

Ранее описанные вещи были переданы Музею в 1923 г. Музеем города Ленинград,

куда они поступили из царских кладовых. Гольцовские же вазочки украшали дворец Строгановых в Петербурге. После Октябрьской революции в нем был организован Строгановский дом-музей, затем упраздненный. Вот из него и появились в 1926 г. эти изделия в нашем Музее.

Вазочки совершенно одинаковы. Широкое, почти сферическое тулово срезано широким же, суженным в середине закрытым горлом. Тулово покоятся на круглой с выступающим кольцом ножке, стоящей на гладком квадратном основании (фото 1). Различаются эти вазочки лишь рисунком камня.

Две вазочки из коргонского порфира имеют сходную яйцевидную форму. Первая покоятся на квадратном основании из черного мрамора. Короткое узкое горло, очевидно, закрывалось крышкой, отсутствующей в настоящее время. Каменное тулово второй закреплено на сложном основании из золоченой бронзы и венчается бронзовым же навершием (фото 4). Для изготовления бронзовых деталей использованы разные технологии — литье, давление, гравировка, золочение. Судя по известным работам Колывани, бронзовые детали сделаны в другой мастерской. Эти вазочки переданы Музею из Эрмитажа в 1926 г.

Последнее художественное изделие Колывани, хранящееся в Музее, — небольшая ваза из красного коргонского порфира. Эта ваза — круглая плоская чаша на невысокой стройной ножке — сделана в лучших традициях русского камнерезного искусства. Она не подписана, но по своей форме и пропорциям близка к вазам, выполненным в Колывани середине XIX в. по рисункам архитектора И.И.Гольберга. В коллекцию Музея поступила в 1927 г. из Государственного музеиного фонда (фото 2). До этого она была в интерьере особняка Шуваловых в Петербурге, который после революции также был причислен к музеям. После его закрытия в 1925 г. замечательные коллекции живописи и прикладного искусства были переданы в другие музеи.

И еще один интересный экспонат с Колывани есть в музее. Не являясь художественным произведением, он, тем не менее, дает представление о красоте и разнообразии алтайских поделочных камней. Это коллекция небольших (6 x 4,5 см) прямоугольных полированных плиток, тех самых «пробочек», которые пользовались успехом еще в конце XVIII в. (фото 7). К сожалению, нет никаких сведений, откуда они поступили в Музей. Неизвестно и время поступления. Соответствующие графы в инвентарной книге пустуют. Может быть, это та самая коллекция, что заказывал на Алтае Фаберже, или коллекция какого-нибудь высокопоставленного любителя камня, из дворца которого она попала в Музей в 1920-е годы. Многие экспонаты, поступившие в Музей в то время, не имеют биографии и ждут своих исследователей.

Литература

- Барсанов Г.П., Яковleva M.E. Минералогия яшм СССР. М.: Наука, 1978.* 86 с.
- Буданов С.М. Русское камнерезное искусство на Алтае в конце XVIII — первой половине XIX веков». Диссертация на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. 1980. Т. 1. 120 с.*
- Валишевский К. Первые Романовы. М.: Современные проблемы. 1911.* 476 с.
- Мавродина Н.М. Работы камнерезов в Колывани. Каталог выставки Гос. Эрмитажа. Л., 1990.*
- Мартынова М.И. Драгоценный камень в русском искусстве XII — XVIII веков. М.: Искусство, 1973.* 180 с.
- Родионов А. На крыльях ремесла. М.: Совремник, 1988.* 278 с.
- Родионов А. Колывань камнерезная. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2002.* 325 с.
- Фаберже Т.Ф., Горыня А.С., Скурлов В.В. Фаберже и петербургские ювелиры. СПб: Изд. Журнала «Нева», 1997.* С. 77.
- Ферсман А.Е. Очерки по истории камня. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1954.* 372 с.